

Артем Веселый. «Россия, кровью умытая»

ГРОССМЕЙСТЕР Нимцович, объясняя динамику пешечных расположений, иллюстрировал ее примерами из литературы и кинематографа, обратившихся к изображению масс. В этом была не скоропортящаяся мода искусств, но, говоря словами дадаистского манифеста, многотысячная правда времени, правда 10-х, 20-х, 30-х годов. Никто не дал более мощного, осязаемо убедительного движения коллективов, чем их эпический поэт Веселый, заслуживающий называться крупнейшим экспрессионистом Рос-

сии, и если бы из сонма эпохальных свидетельств надо было выбрать одно, я остановился б на книге Артема, ибо речь его совершалась в безвыходном круге проклятий, упоения и крови. Пятнадцать лет смотрел он в лицо толпе, пренебрегая ее гуртовой психологией, тщеславием вождей и вожатых, концентрируя лучи ума своего на религиозном собирании в массу, на этом вселенском, в русских пространствах, соборе. Он занимался плотностью и весом орд, он следил за рассеянием толп и тем, как, рассыпавшись, они стягивались в новую ртутную целостность. От него, жившего жизнью страны, вряд ли укрылось, что за годы, потраченные им на книгу, революционные массы стали другими, что их несколько раз подвергали процеживанию и селекциям, в результате чего массы существенно поредели, и тогда он принял обет спасти всех хотя бы в написанных им страницах, где солнце народа и революции навсегда застыло в зените, а если спасение не удастся, то умереть, как умирали другие. Артем Веселый разделил судьбу российских толп — он был расстрелян.